Нет никакого смысла.

Понятно.

Понятно.

Понятно.

Понятно?

1

Среда, восемнадцатое мая.

С окончанием второй пары начался обеденный перерыв. Поскольку в это время в обеденной собиралась толпа, я всегда пропускал обед в дни, когда мне ставили вторую пару. Поэтому я пошёл сразу в сторону класса, где пройдут занятия по общим дисциплинам.

Общие дисциплины.

Однокурсники.

Аой Микоко, Атэмия Муими, Усами Акихару и Эмото Томоэ...

Я никого из них не видел с начала этой недели. И это не было совпадением: скорее всего, никто из них не приходит. Томо-тян была убита, но у остальных ни умерли, ни не были убиты. Наверно, в их отсутствии виновата смерть Томо-тян, или таковым было поведение студентов университета после Золотой недели.

Дальше дело не сдвинулось. Пара детективов, Сасаки-сан и Кадзухито-сан, не пришли ко мне снова, я не смог связаться с тремя однокурсниками, и я всё ещё ждал новостей от Кунагисы. Конечно, я также не встречал Дзэродзаки.

Будучи человеком, который не читает новости или смотрит телевизор, я не имел ни малейшего понятия о том, какой огласке предали (или не предали вообще) смерть Томо-тян, как и не знал, нанёс ли тот бродяга ещё один удар в течение последних трёх дней.

Это я и не желал узнать.

Прямо сейчас я всего лишь ждал. В конце концов, именно к этому я привык.

— Чёрт, как жарко... надеюсь, я не пропотел, — бурчал я, идя по кампусу от зала Мэйгаку до зала Йойо. Идти нужно было не больше ста метров, но идти всё равно было тяжело. Мне доводилось слышать о испепеляющем климате, но я не думал, что они существуют. Ни в Кобэ, ни в Хьюстоне не было так плохо. Такие жара и влажность были уникальны для низменных городов. Я пытался держаться, пока мои ноги вели меня вперёд. Я поднялся по лестнице на второй этаж зала Йойо. Я вошёл и наконец-то остановился, чтобы перевести дыхание.

Именно тогда я заметил кое-кого знакомого. Но не потому, что она показалась мне знакомой. Скорее, мои глаза привлёк её ярко-розовый свитер вопреки моему желанию. Оно точно не сливалось с окружением.

Это была Атэмия Муими-тян.

Сейчас она разговаривала с каким-то парнем. Возможно, одноклассником. Подумав, что было бы слегка нелепо вмешаться и завязать разговор, я попытаться пройти мимо неё незамеченным. Но она меня заметила:

— Ух ты, это Ик-кун.

— Здравствуй, — формально поприветствовал меня её мужской компаньон. У него были светлые коричневые волосы и легкая беззаботная с виду улыбка. Стоп, кто это был? Я ведь не знал никого с таким лёгким настроением? Он ходил на занятия по общим дисциплинам?

— Ну что, давно не виделись? — сказала Муими-тян, слегка улыбнувшись. — Эм... Господи, как-то странно всё это, не думаешь? Ты как после произошедшего?

— Я ходил в университет, как обычно.

— Ой... хех, ну, наверно, так я и думала. — Она улыбнулась, но как-то натянуто. Она выглядела уставшей, что явно не натянуто.

— А ты? — спросил я. — Чем ты занималась? Я не видел тебя в университете.

— Ну, как бы так сказать... — Она не могла подобрать слов. Наверно, ей не нравилось говорить о своих слабостях другим. Сам я не такой, но её чувства не были за пределами моего понимания.

— Ну, мне нужно сделать презентацию. Мне нужно идти. Увидимся, — сказал тот парень и побежал в направлении лестницы.

— А энергии у этого сукина сына хоть отбавляй, не думаешь? — сказала Муими-тян, смотря, как он убегает. — Он и пальцем не пошевелит, пока не появится возможность побыть в центре внимания. Общие занятия явно будут весёлыми сегодня. Я буду смотреть на этого ублюдка с передних рядов.

— Хм. Так этот парень — твой одноклассник.

Муими-тян замерла на несколько секунд, а затем медленно и грубо повернула свою голову ко мне, будто её шею нужно было смазать. Я ожидал услышать хруст её шеи.

— Не говори мне, что ты забыл.

— Что? О, полагаю, Микоко-тян ничего не сказала тебе тогда? У меня плохая память, поэтому я правда не знаю, что в твоей группе. Но я могу вспомнить его, если когда-то слышал его имя.

Но она вряд ли скажет мне, как его зовут. По какой-то причине она пялилась на меня, шокированная.

Наконец-то, она открыла рот:

— Усами Акихару.

— Хм.

А вот и оно.

Это удивило.

— У тебя сложилось такое слабое впечатление о нём? — спросила она.

«Ну, оно явно меньше, чем впечатление о тебе. Он ведь не гуляет в ярко-розовых свитерах,» — хотел я сказать, но я остановился. Муими-тян наверняка могла начать избивать того, кто её разозлит. И я вряд ли отделаюсь одним джебом или двумя. Если я буду дразнить её так же, как и Микоко-тян, то мне будет каюк.

— В этом виновата моя память, вот и всё.

— Если так и было, тогда сделай с этим что-нибудь.

— Знаешь, слабое впечатление тоже может быть причиной. Он не такой безбашенный, как Микоко-тян. Я знаю немало эксцентричных людей. Хотя звучит это так, будто я знаю немало людей. Уточнение: среди моих знакомых лишь эксцентричные люди, а потому обычные люди просто выпадают у меня из головы.

— Обычные люди, говоришь? — Она слабо усмехнулась.

— А что? Я сказал что-то забавное?

— Да ничего, ничего. Я просто думала. Судья из тебя так себе.

— Что?

— Акихару более вредный, чем ты думаешь, — сказала она со странной интонацией, будто её слова крайне важны, смотря туда, куда мгновениями ранее убежал он. — Ну, рано или поздно ты это поймёшь... рано или поздно. — Что-то в её мягком тоне указывало на то, что в её словах сокрыт более глубокий смысл, но почти сразу же выражение её лица изменилось, будто кто-то подошёл к пульту и нажал на кнопку. Она снова повернулась ко мне. — Это идеально. Я хотела поболтать с тобой. Пошли в гостиную.

Она начала идти, не ожидая моего ответа. Немного погодя мы свернули направо и дошли до студенческой гостиной. Мне было интересно, будет ли там толпа, раз уж сейчас больше полудня, но по виду из окна я понял, что по какой-то причине занятых мест было меньше, чем пустых. На двери висела табличка, на которой красными готичными буквами было написано: «Не стойте.» Это был розыгрыш, который исполнил какой-то студент несколько лет назад, и сейчас уже никто даже не собирался спрашивать об этом. Как итог, никто так и не убрал её.

Мы вошли в гостиную, и Муими-тян заняла место. В комнате пахло сигаретами. Муими-тян затянулась и сразу же потянулась в карман за чем-то, но затем она остановилась, будто вовремя вспомнив свою «политику». Было приятно с её стороны привередливо придерживаться её, но мне было без разницы, стоя в комнате с сигаретным дымом, будет курить она или нет. Но я знал, что даже если бы я сказал ей, что она может курить, она просто ответила бы: «Нет, это моё решение,» — поэтому я, не сказав ничего, сел.

— Так о чём ты хотела поговорить?

— Не прикидывайся. Что именно мы оба могли бы обсудить? — спросила она.

— Томо-тян?

— Микоко. — Она наклонилась ко мне, положив руки на стол, и уставилась на меня. Но я не был настолько невежественным, чтобы не подготовиться к встрече с её взглядом. — Ты с тех пор видел Микоко?

— С каких пор? — невинно спросил я.

— Я сказала тебе, не прикидывайся. Полиция наверняка и к тебе зашла.

— Ну, да... — Я вспомнил свою встречу с Сасаки-сан и Кадзухито-саном, но, буду честным, о них мне не особо хотелось много думать. — Так они и к тебе пришли?

— Да. Неприятные типы, тебе так не показалось?

— Мужчина и женщина?

— Да. Тот парень был будто из «Секретных материалов», а дамочка выглядела так, будто она постоянно накрывает подпольные ячейки. Обычные копы меня и так напрягают, не говоря уже об этих двоих... эм, но это другая история, — сказала она, поправляя осанку. — Вчера прошли похороны Томоэ. — В её взгляде читалось обвинение. — Ты не пришёл.

— Так мне никто не сказал об этом.

— Микоко тоже не пришла. Но мы с Акихару пришли.

— Ну что тут поделаешь, да? Её смерть наверняка всех ошаршила, — сказал я.

— Да, наверняка. От тебя это звучит так, будто тебя это никак не касается, — ответила она.

«Да, не касается,» — хотел сказать я, но воздержался. Чёртов такт.

— Тебя факт убийства Томоэ никак не ошаршил?

— Ну, я более чем удивился, когда услышал об этом, но через три дня, эм, как там говорят? От сердца отлегло? Точнее, прошлое ведь всего лишь воспоминания.

— Будучи подругой Томоэ, я хочу разозлиться на тебя за то, что ты это сказал, но ведь ты в целом прав? — сказала она, слегка опешившая. — Видимо, конструкция человеческого сердца сложна. Особенно для тех, у кого кожа толстая, как у меня. Прошло всего три дня, а я уже вернулась к состоянию, в котором я снова могу ходить на учёбу. Но поначалу было действительно сложно. Ну знаешь, я только увидела её, а затем... — Она щёлкнула пальцами.

И тишина. Я бы не сказал, что сейчас неловко, но было слегка невыносимо. Между нами определённо витала аура боли.

— Судя по поведению Акихару-куна, он вроде как восстановился.

— Он так выглядел? — спросила она.

— Мне так показалось.

— Наверно, так и есть, раз уж ты так говоришь.

Опять же, она будто к чему-то вела, как в тот момент, когда она сказала: «Личность Акихару сильнее, чем тебе кажется.»

Так что она там говорила? Она сменила тему до того, как я смог бы узнать:

— Получается, ты последний, кто услышал голос Томоэ.

— Да. Хоть и через телефон. Ты услышала об этом от Микоко-тян? Или от детективов?

— От Микоко, — сказала она, кивая. — Я пришла к ней вчера после похорон, но... Полагаю, ей нужно больше времени на восстановление.

— Ага.

— И тебя это никак не беспокоит?

— Что? О чём ты? — спросил я.

— Ты как бы только что услышал, что Микоко тоскливо, и я спрашиваю тебя, беспокоит ли это тебя.

— Все точно на измене из-за этого, — сказал я.

Муими-тян с виду была слегка озадачена, возможно, из-за слова «все».

Она громко вздохнула и потянулась:

— Чёртов невежда...

— Что-что? Я не расслышал.

— А, ничего. Послушай, может, тебе и не хочется этого слышать, и я, говоря прямо, последняя, кто должен говорить это тебе. Именно я столкнулась с этим первой...

— Что?

— Проехали. Ладно, позволь мне тогда попросить тебя кое о чём. Просьба простая, ничего такого. Просто зайди к Микоко, хорошо?

Она достала бумажку из кармана своего свитера и передала её мне. На ней хираганой было написано: «Аой Микоко,» — а ниже той надписи были её адрес и номер телефона.

— Какие округлые буквы. Кто писал?

— Я.

— А...

— А это ещё что значит? Что за выражение лица, будто ответ какой-то увидел?

— Эм, ничего. Я не это хотел сказать. — Я опустил взгляд на записку, чтобы избежать её смертоносного взгляда, и узнал адрес Микоко-тян. Хорикава Ойкэ. Стоп, а я слышал это когда-то? Мне кажется, что да, но мне также казалось, что я впервые увидел её адрес. Я не мог вспомнить.

— Отсюда далеко. Полагаю, до сюда она доезжает на своей «веспе».

— Нет, на автобусе. Здесь мотоциклы запрещены.

— Запрещены?

Так уж вышло, что я ходил пешком. У меня был велосипед, но я его особо не использовал. Не то чтобы мне не нравилась ходьба в частности, но почему-то меня это устраивает.

— Хорошо. Я пойду к Микоко-тян, а дальше что?

— Ей грустно, так что подбодри её. Просто скажи что-то вроде «ничего хорошего не будет, если просто сидеть и грустить» и «держи нос по ветру». Я уверена, это сработает.

— О, самую обычную шляпу? Но не будет ли лучше, если что-то подобное скажешь ты? Стоп. Наверно, ты это уже говорила ей вчера. Но если её не смогла утешить даже хорошая подруга, то я тут как пятое колесо.

— Это не так сложно. Просто пойди туда, и этого будет достаточно. Без шуток, вот и всё. Сходи к ней, подбодри её добрым словом или двумя, а там уже как получится.

Что бы это ни значило.

Но опять же, у меня не было никакой причины отказываться, даи повод был весьма удобный, поэтому я согласился:

— Ладно.

— Попробуй заскочить сегодня после занятий.

После этого прозвенел звонок на третью пару.

«Вот чёрт,» — было написано на лице Муими-тян. По моему лицу и не скажешь этого, но я ощущал примерно то же самое.

Инокава-сэнсэй, Цербер времени.

— Вот чёрт, это был звонок.

— Даже если мы пойдём сейчас, нам всё равно поставят пропуска. Точнее, он нас даже в класс вряд ли пустит, — сказал я.

— Ну, поделаться с этим сейчас мы ничего не можем. Терпеть не могу, когда я пропускаю моменты работы Акихару, но давай прогуляем. — А она быстро приняла решение. Я немного дольше принимал решение. Но никакие мыслительные усилия не повернут назад стрелку часов, поэтому я просто сдался:

— Ладно.

— Ну так что? Хочешь поесть?

— Обеденный зал ведь всё ещё битком забит в это время?

— Да, точно. Тогда не хочешь ли остаться здесь и ещё поболтать?

— Тогда могу ли я кое о чём спросить? — сказал я, считая, что это хорошая возможность. — Был ли кто-то, кто мог иметь что-либо против Томо-тян?

Лицо Муими-тян немедленно стало серьёзным. Она словно обдумывала что-то. Или, скорее, она просто мысленно соглашалась с чем-то, что она уже обдумала.

— Нет, никого, — решительно сказала она после длительной паузы с озадаченным лицом. — Если думать логически, то никто не мог точить на неё зуб.

— «Никто не мог точить на неё зуб»... хм, какая-то странная фраза. Похоже на какой-то дерьмовый перевод.

— Но я думаю, что она точная. Я ведь её знаю только со старшей школы.

— Кстати, об этом. Как вы все вообще узнали друг о друге? Ты сказала, что ты дружишь с Микоко-тян с детства, да?

— Мы с Микоко дружим с детства, а Акихару и Томоэ я встретила в старшей школе.

— Постой. Разве это не странно?

— Что?

— Микоко-тян девятнадцать, а её день рождения в апреле. Томо-тян только-что исполнилось двадцать...

— О, нет. Томоэ оставляли на второй год в младшей школе.

— А-а-а.

Так она не поступала в университет попозже и не возвращалась из заграницы. Она просто осталась на целый год. Я даже не учитывал это.

— Дело в том, что она довольно долго была в больнице. Ей там пришлось провести где-то полгода, и даже после этого она часто отсутствовала на занятиях. У неё банально посещаемость была на нуле. В итоге она очень сильно заболела. Говорят, она чуть не умерла.

Предсмертное состояние.

Смерть.

Знание о смерти.

— Ага-а-а... — Я старался не накручивать себя из-за этого, но я не был уверен в том, насколько хорошо у меня это получилось. — Ясно, так вот в чём было дело.

Такова была история Эмото Томоэ. Я несколько раз кивнул, чтобы Муими-тян не заметила моего удивления.

— В любом случае, со времён старшей школы мы ходим вчетвером. Тогда же и Акихару с Томоэ впервые встретился.

— Ясно. Продолжай.

— Хорошо. А также Томоэ действительно хорошо адаптировалась. Хотя погоди... наверно, всё было не так. Наверно, она была слегка похожа на тебя, если ты не против такого сравнения, — сказала она, дважды указав на меня. — Ты ведь слышал о «пузырях личного пространства»?

Ну, она была очень хороша в определении личных границ. Она в определённой степени могла близко подходить к людям, но ту линию она никогда не переступала. Она никогда не вступала в близкие отношения с кем-либо, и вдобавок к этому она никогда никому не позволяла вступать в близкие отношения с ней. Она всегда оставалась на расстоянии, ни близко, ни далеко. словно профессиональный мечник.

— ...

На секунду после слова «мечник» у меня в голове всплыл образ Миико-сан.

— Томоэ была моей подругой, но... Не думаю, что она мне когда-либо открывалась. Также я не думаю, что я когда-либо помогала ей.

— Сомневаюсь, — сказал я, но мои слова вряд ли что-либо значили для неё. Они и для меня ничего не значили. Наверно, моя догадка касательно Томо-тян была недалеко от правды, несмотря на то, верна она или нет.

Но Муими-тян, ты не должна путать всё. Это невероятно оскорбительно по отношению к Томо-тян. Если ты действительно её подруга, то тебе не стоит говорить такое. Мы с Томо-тян не похожи. Мы просто были на одних рельсах. По сути, однако, мы были разными.

На меня по-настоящему похожи только убийцы, Муими-тян.

— Неважно. Вот такой она была девчонкой, поэтому она никак не могла кого-либо расстроить. Думаю, это ты можешь сказать наверняка.

— Тогда кто, чёрт возьми, убил её?

— Мне-то откуда знать? Скорее всего, тот серийный убийца.

— Я думаю, что серийный убийца использует ножи.

— Да неважно. Кто-то убил её. Те комы вроде не дуболомы, так что, думаю, они узнают, кто это сделал, если мы не станем вмешиваться. Мы и так ничего не можем с этим поделать.

Её суровое лицо не подходило её пассивному комментарию. Очевидно, что она произносила эти слова против своей воли. Её любимую подругу убили, и она ничего не могла с этим поделать. Она наверняка чувствует себя беспомощной.

Но это и вправду было не под её контролем. Вполне возможно, что она и понятия не имела, кем мог быть убийца. У неё не было никого, на кого она могла бы направить свой гнев.

Хм.

— А чем, сука, все занимаются? — сказала она, смотря на студентов, гуляющих снаружи. — Вот правда, что они вообще делают?

— Все?

— Все. Все здесь. Это так тупо. Они просто живут. Они просто не мертвы, вот и всё. Эти твари просто живут.

Эти твари просто живут.

Она повторила эту фразу.

— Ой, меня шатает, — снова выпрямляясь, сказала она. — Мне вот интересно, есть ли у кого-нибудь из них вообще смысл. Смысл жить, цель на будущее или что-то ещё. Интересно, есть ли у них такие вещи вообще?

— Должны быть. Вообще я уверен, что всё это отличается от челвоека к человеку. Но это всё равно ни на что не влияет.

— Это не совсем то, что я пытаюсь сказать. Не знаю. Это не очень сложно. Например, вон те девки там. — Она указала на группу девушек на другой стороне гостиной. По их виду казалось, что они перво- или второкурсники. Я не мог разобрать, что они говорили, но даже если бы я смог расслышать их, то они, скорее всего, болтали о чём-то, что я всё равно не понял бы. Они смеялись и с удовольствием хлопали друг друга по плечу.

— А теперь допустим, что у меня в руках штормовой карабин М4А1. Я целюсь в них, а затем... тра-та-та-та-та-та! Что произошло бы?

Я снова посмотрел на них. Они всё так же беззаботно смеялись, но в своей голове я увидел их разорванные тела в крови, ошмётки которых вылетели в окно.

— Ну, думаю, они бы умерли.

— Да, они умерли бы. Но о чём они бы думали в тот момент? Сожалели ли бы они?.. Я так не думаю.

Она с презрением посмотрела на них, но никто из них не заметил этого. Они были полностью поглощены своей болтовнёй, настолько сильно, что они даже в нашу сторону не посмотрели.

— Они наверняка ни о чём не сожалели бы. Нет незавершённых дел. В конце концов, они просто проживают свои жизни без каких-либо целей или стремлений. Что они могли бы оставить после себя?

— ...

— Конечно, я не утверждаю, что жизнь уныла. Есть в ней и такие моменты. Но все эти люди отчаянные. Все они отчаянно ищут способ убить завтрашний день. И внезапно все они просто думают о способах сделать это. «Как я проведу завтрашний день? А послезавтра? Как мне убить двадцать четыре часа?» Словно идиоты, они отчаянно пытаются нашерстить способы забить свои расписания. Но зачем? В чём смысл? Завтра так же может и не наступить, если они живут только ради убийства времени. Если ты просто живёшь, то ты и умереть можешь... По крайней мере, я так думаю... Ой, извини. Наверно, всё это было странно во всех смыслах.

— Нет, это было очень интересно.

И я не шутил.

Наверняка и Муими-тян думала об этом: а что насчёт Томо-тян? О чём она думала в момент своей смерти? Для Муими-тян, так и не решившейся переступить ту линию и проникнуть в сердце Томо-тян, это так и останется загадкой. Но если бы я просто мог предположить, если бы я мог рассказать о том, что я видел как пассивный наблюдатель, то я бы поставил на то, что она ничем не отличалась от тех девушек, за которыми мы наблюдали: Томо-тян умерла без сожалений.

— Скорее всего, обеденный зал сейчас не забит людьми под завязку. — Муими-тян сверилась с наручными часами и встала. — Пошли поедим. Если мы пойдём в зал Рёю, то мы вполне сможем занять места.

— Эм, прошу прощения, но ты можешь пойти одна? Я не особо голоден.

— Ох, — вздохнула, слегка наклонив голову ко мне. Она начала уходить, но затем остановилась и обернулась. — Кстати, откуда ты знаешь, что день рождения у Микоко в апреле и что ей девятнадцать?

— Я услышал это от неё.

— Позволь мне сказать это по-другому: почему ты вспомнил что-то вроде этого? Твоя память ведь полное дерьмо. Обычно ты бы не вспомнил такую деталь.

Это был грубый вопрос, но он был, наверно, оправдан её сомнениями во мне, учитывая, что я напрочь забыл лицо Акихару-куна.

— Хм, ну, у меня есть свои причины. В детали вдаваться не буду.

— Что? — Вид у неё озадаченный, но она не стала давить дальше.

— Позволь мне ещё задать последний вопрос, — сказал я. — Муими-тян, ты знаешь, что значит «х больше у»?

— Что? Наверно, что х нужно разделить на у, да?

— Да, точно.

— Другого объяснения я придумать не могу.

— Хорошо, не бери в голову. Спасибо.

— А к чему это?

— Это было предсмертное послание Томо-тян. Я не знаю, что это значит.

Она всё ещё казалась озадаченной, но она снова не стала копать глубже.

— М-м-м... Ну, ещё увидимся, — сказала она после раздумий. — Не забудь о Микоко. — Она помахала мне и вышла из гостиной.

Я помахал ей на прощание. После этого я некоторое время провёл в гостиной, ни о чём конкретном не думая и просто сидя в оцепенении. Довольно быстро моё горло начало болеть от всего этого сигаретного дыма, поэтому я вышел наружу. Я сунул руку в карман и нащупал там бумажку. Я вытащил её, чтобы увидеть на ней адрес Микоко-тян, который был записан Муими-тян и передан мне.

— Видимо, выбора у меня нет...

Наверно, мне стоит смотреть на это как на очередную хорошую возможность. К счастью, после этой пары шла лекция, на которую профессор никогда не приходил. Примерно три секунды я думал над вариантами действий, а после решил устроить себе выходной.

В то же время я подумал о том, что в момент своей смерти я не только не сожалел бы ни о чём, но и почувствовал бы облегчение.

И проходя мимо всех тех людей, которые просто бесцельно жили, я оставил гостиную позади.

2

Квартира Микоко-тян в Хорикава Ойкэ была ещё роскошнее и прекраснее квартиры Томо-тян. Она была слишком хорошей для простого студента; вокруг неё даже вокруг был чуть ли не возвышенным.

— А теперь...

Автобус высадил меня прямо перед многоквартирным домом ровно в два часа. Однако, сейчас уже была половина четвёртого. А это, если смотреть объективно и рационально, означало, что я полтора часа тупо стоял у входа в здание.

— Чем он всё это время занимался? А он трясся от самой мысли сходить к девушке своего же возраста в её квартиру, где она жила одна, — громко сказал я.

Я попытался осмыслить текущее положение дел и создать свою интерпретацию, но в этом вряд ли был хоть какой-то смысл. Это было как-то глупо. Но если подумать, то это, наверно, был первый раз, когда я вообще принял решение что-то предпринять, а потом колебался так сильно, что я вообще не сдвинулся. Будь она мне близким другом, я не стал бы обдумывать все детали и возможности, какие только могли быть, но я знал Микоко-тян всего лишь несколько дней (или с прошлого месяца). Это лично меня не тревожило, но я не хотел случайно расстроить Микоко-тян.

Другими словами, будучи пассивным человеком, я плох в проявлении инициативы.

— Чёрт, это так тупо...

Но полтора часа даже для меня слишком много. Чем дольше я оставался здесь, тем более неловко мне становилось, но я наконец-то собрался с мыслями и вошёл в здание.

В отличие от дома Томо-тян, здесь не было автозамка, отчего войти было очень просто. Конечно, самым эффективным методом защиты был тот, что был в гигантском доме Кунагисы: настоящая охрана.

Я посмотрел на записку, полученную от Муими-тян.

Четвёртый этаж, третья комната.

Я вошёл в лифт и нажал на кнопку четвёртого этажа. Через несколько секунд я доехал до четвёртого этажа и начал идти по узкому коридору. Затем я увидел камеры видеонаблюдения перед лифтом и по обеим сторонам коридора. А меры безопасности здесь не слишком жёсткие? Даже в магазинах нет столько камер. Наверно, здесь втихаря живёт какая-нибудь знаменитость, хоть это и Киото. Хотя нет, наверно, всё потому, что это Киото.

Думая над всеми этими бессмысленными догадками, я дошёл до двери третьей комнаты. Решив, что я уже сделал много и причин топтаться на месте больше нет, я нажал на кнопку интеркома.

За дверь я услышал вроде бы обычный звук дверного звонка и звук шагов. Осознав, что она, будучи девушкой, сперва подготовится, прежде чем подойти к двери, я приготовился к длительному ожиданию и прислонился к стене за моей спиной.

— Эй, я открываю!

Что?

Ничего себе. Это было очень быстро. Наверно, мне стоит быть благодарным, но внутри меня закралось плохое предчувствие. И, будучи пассивным наблюдателем, я насторожился на все сто процентов. Чёрт. Что-то огромное надвигается.

— Для тебя это довольно поздно, Муими-тян... Что-то стряслось?

Замок с приятным щелчком открылся, а за ним и дверь.

Я не смог ответить, как и Микоко-тян.

Всё замерло, даже ctrl + alt + del не исправило бы положение.

— Ах... ах... ах... — Она покраснела, затем побледнела. А затем снова зарделась.

— Чао, — поприветствовал я её, не придумав ничего лучше.

— И-и-и-ия-я-я-я!!! — Она пронзительно крикнула и захлопнула дверь с такой силой и шумом, что мне показалось, что всё может треснуть. Весь мир на миг размыло, а затем наступила тишина, словно ничего не произошло.

Ну, если всё станет ещё хуже, то хотя бы камеры наблюдения смогут подтвердить моё невиновность по части её криков.

— Ну... пробуем ещё раз...

Ещё радостное утреннее личико всё ещё было с ней. Её волосы были растрёпаны, а её пижама с рисунком кролика была частично не застёгнута. Выходит, реакция Микоко-тян на внезапную встречу с человеком противоположного пола вовсе не была такой странной.

— Почему?! — слышалось из-за двери. Голос её звучал так, будто она едва сдерживала слёзы. Или, может быть, она вообще не сдерживалась. — Почему-почему-почему-почему? Что ты здесь делаешь? Разве не Муими-тян должна была придти? Словно сыщик Асаги Сэмимару сходу распутывает дело об убийствах через обезглавливание в закрытых комнатах, но убийцу при этом застали с поличным! Боже, моя голова! Я не понимаю! Почему?! Неможетбыть-неможетбыть-неможетбыть! Ты призрак! Это ложь! Сон! Кошмар!

Вот чёрт, она паникует.

Я тоже не особо справлялся с сохранением спокойствия, но я, возможно, смогу сдержаться, раз уж она так сильно волнуется. Любопытно. Значит, Муими-тян изначально собиралась прийти к ней. А потом эта лентяйка передала эту цель мне и даже ничего не сказала Микоко-тян об этом.

Так, условия обдуманы. Поар перейти к исполнению манёвра.

— Это жутко! Ты даже не должен знать, где я живу! Ты иллюзия! Всё это какой-то больной

розыгрыш!

— Ну, я потом всё объясню, так что простопусти меня. Нечего стоять и разговаривать через дверь.

— Уходи! Ну же, уходи! Нет, постой, прости меня, не уходи! Я приберусь и подготовлюсь, так что подожди немного! Пожалуйста! И забудь то, что ты сейчас увидел!

— Я уже видел тебя, так что в чём разница? Простопусти меня.

— Нет!

После последнего резкого отказа я услышал топанье в глубине комнаты. Оно сопровождалось звуками, напоминавшими полномасштабную битву. Возможно, она убиралась. Ей и не стоило заниматься этим, подумал я, снова прислонившись к стене. Онапустила меня к себе лишь через полчаса. Было уже больше четырёх часов.

Квартира не особо отличалась от квартиры Томо-тян, но в ней было очень много мебели. Похоже, Микоко-тян была женщиной, который нравится материальное. Бардака не было, но нельзя сказать, что тут и беспорядка нет.

— Подожди немного, хорошо? Я налью чай.

Она носила розовую камисоль и шорты. Её одежда открыла куда больше кожи, чем её пижама, но я собирался что-либо говорить по этому поводу. Её волосы были очень хорошо уложены. Она словно стала совершенно другим человеком.

Она поставила чашку на низкий столик. Конечно, в нём была не вода из-под крана, а прекрасный на вид ячменный чай. В чашке было ещё три кубика льда.

Она плюхнулась напротив меня.

— Эм-эм-эм... Так что тут происходит, Ик-кун?

Она вела себя немного странно, возможно всё ещё потрясённая. Если бы она ходила по Синкёгоку, то полиция её точно задержала бы.

— Ах, точно, Муими-тян может прийти в любое время! Боже мой, она уже опаздывает. Да где же эта дура?

— Эм, я её представитель, — сказал я, махая ей, чтобы она успокоилась.

— Что?! — удивлённо вскрикнула она, а затем многозначительно улыбнулась, одновременно демонстрируя гнев, стыд, радость и что-то ещё, что я не мог увидеть. — Чёртова Муими-тян...

— Эй, всё в порядке. Я не собираюсь тут задерживаться, так что просто расслабься. Я слышал, что тебе очень плохо, но я рад видеть тебя живой.

— О...

Слово «плохо», похоже, вызвало у неё реакцию, и она склонила голову. Видимо, я был недостаточно осторожен в словах, подумал я, но только так я мог сказать это.

Да. Здесь не только убили подругу Микоко-тян: Микоко-тян также была первой, кто увидел её

труп. Она была первой, кто выжег изображение того неподвижного, безжизненного тела на сетчатках своих глаз. И это выжженное изображение наверняка осталось с ней, даже сейчас. Она вряд ли может просто выкинуть его.

— Так ты пришёл, потому что я не появлялась на учёбе и ты волновался за меня?

— Да. Точнее, типа того.

На деле всё было немного по-другому, но мне кажется, что на эту разницу можно наплевать.

Она радостно улыбнулась:

— Спасибо! Я так рада, что ты пришёл!

— Да тут не за что меня благодарить. Я даже ничего не принёс.

Я понял это, как только сказал об этом. Было довольно безрассудно с моей стороны заявиться к кому-то домой, не взяв с собой ничего. Не говоря уже о том, что ей было не очень. Но, поскольку я пришёл прямиком из школы, я не считал, что с этим можно было бы что-то сделать.

— О, да ничего, — сказала Микоко-тян. — Только не подумай, что я беспомощна. Просто... если я пойду учиться, то я начну думать о Томо-тян.

— Но не похоже, что ты не думаешь о ней дома, да?

— Ну, это правда, но... — Она слабо рассмеялась. — Но ты меня подбодрил немного. Я в порядке. Я начну ходить в университет, начиная с завтрашнего дня.

— Я особо не думаю, что университет важен. К тебе приходили полицейские?

— Да, несколько раз. Высокий парень и какая-то страшная дама. Но именно я нашла тело, в конце концов, и это дело об убийстве.

— Кто же мог убить её? — сказал я, не столько спрашивая, сколько разговаривая с собой, но сделал я это достаточно громко, чтобы Микоко-тян услышала меня.

— Я не знаю. — Её ответ меня не удивил. — Томо-тян не была из тех, кто наживает себе врагов. Это точно.

— Да, так и Муими-тян сказала. Но мне интересно... говоря реалистично, возможно ли жить без возмущений или негатива от кого-либо? Я в этом сомневаюсь.

— Что?

— Я думаю, что стоит учесть, что ты, возможно, так думаешь о томо-тян потому, что вы были хорошими друзьями, а на деле она кому-то не понравилась. Даже если это недовольство не было оправдано.

Она затихла. На её лице было столько боли, что я поспешил извиниться:

— Прости.

Может, она и держится, но пока что она была не в состоянии обсуждать такое.

— Наверно, мне всё-таки не стоило приходить?

— Что? Почему?

Я действительно не хотел, чтобы она это услышала. Но её лицо поднялось, чтобы увидеть моё. Она услышала.

— Ик-кун, это неправда. Я рада, что ты пришёл.

— Да хватит уже... ты просто пытаешься выглядеть радостной, потому что я здесь?

Близкий друг, тот, кто мог говорить с ней откровенно, как Муими-тян, в этой ситуации был бы как дома.

— Но это не так, — настояла она. — Даже если я просто потворствую, то чем больше я делаю это, тем правдивее это станет, да? Я в порядке. Я искренне рада тому, что ты пришёл. Даже если ты просто делал то, что тебе сказала Муими-тян, и тебе не нравится здесь находиться.

— Я не ненавижу находиться здесь... Если мне что-то не понравится, то я так и скажу.

— Правда?

— Нет, я просто подумал, что мне стоит попробовать сказать это. Мною довольно легко можно помыкать.

— Не сомневаюсь, — согласилась она.

Я вздохнул и протянул руки.

— Если без шуток, то как ты? Ты начала понемногу оправляться от того шока?

— Да, всё нормально. просто... — Её глаза посмотрели куда-то вправо от меня. Я проследил за её взглядом и увидел кучи рухнувших газет и журналов. — Эм, ты не возражаешь, если я расскажу что-нибудь о младшей школе?

— Давай. Я послушаю.

— Это было в третьем классе. Здание, в котором находился мой класс, активно строили, поэтому грузовики и бульдозеры постоянно приезжали и уезжали. Но однажды произошла промашка, и грузовик, перевозивший огромную кучу песка, врезался в здание.

— Боже, я бы не назвал нечто такое огромное «промашкой».

— Ну, вряд ли. Стена проломилась, и песок посыпался в класс, похоронив под собой несколько первоклашек. Был бардак. Но знаешь, мы тогда всё ещё были детьми, поэтому для нас это было почти что весело. Муими-тян отрывалась по полной, катаясь по песку.

— Ага. — Она точно могла быть таким ребёнком.

— А потом наступило завтра. Я проснулась пораньше и пошла читать газету. Кто угодно гордился бы упоминанием своей школы в газете, да? Это как бы произошло только из-за того инцидента, так что гордиться было нечем, но самой идеи того, что моя школа была «в газетах», было достаточно, чтобы обрадовать меня.

— Так ты ведь была ребёнком.

— Но знаешь что? Это было не в газете, — сказала она, нехарактерно мрачно вздохнув. — Для меня этот инцидент был крупным, но для нации это было пустяком. Я не помню, какая статья была главной в тот день, но тогда мне будто сказали: «Твоё существование и ломаного гроша не стоит.» Нечто настолько потрясающее для меня ничего не значило для остальных. Было так грустно.

— ...

— Сейчас я чувствую себя как-то так, — сказала она, указывая на стопки газет и журналов. Я мог понять, к чему она вела.

Сенсационные истории об убийствах вроде дела этого киотского бродяги — это одно, но пресса вряд ли станет задерживаться на таких обычных вещах (как бы стыдно не было это произносить), как убийство студентки университета в её квартире. Оно попадёт в новости на следующий день, а потом и в новости на послезавтра, если повезёт. Но даже тогда это будет лишь короткая заметка, не занимающая очень много строк.

Я молчал. Микоко-тян делала то же самое. Какое-то время мы ничего не говорили, но её первой нарушила она, задав вопрос, который вывел всё куда-то в другую, новую сторону:

— Ик-кун, а ты с того дня не ходил смотреть на антиквариат с Асано-сан?

— Что? — Я моргнул. — О чём ты?

— Я... эм, извини! Я не знаю, зачем я это спросила! Я не хотела спрашивать об этом!

— Да нормально...

А откуда она узнала, что я время от времени хожу за антиквариатом с Миико-сан? Миико-сан ни за что не рассказала бы её нечто настолько личное. Но я, насколько я помню, обещал ей снова пойти с ней... да, точно. Микоко-тян тогда не спала?

— Тебя это случаем не интересует? — спросил я.

— Что-что-что? Что меня интересует?

Я спросил, потому что мне показалось, что ей плохо из-за того, что я пообещал Миико-сан пойти за антиквариатом, только чтобы отблагодарить её за то, что она позволила мне оставить Микоко-тян на ночь у неё. Но я не ожидал такую нервную реакцию. Эту девчонку никак не прочесть.

— Что бы там ни было, не морочь этим голову себе. Мы часто это делаем.

— Делаете?

— Да. Ей нравится антиквариат. Она показала тебе свою кладовку? Эта комнатка очень маленькая, но её это не останавливает. Но я думаю, что она продаёт всё, что она купила, через какое-то время. Она говорит, что человек не должен монополизировать искусство. — Но в то же время она сама не была святой. — В целом я нужен, чтобы носить её вещи. Даже у парня вроде меня есть хоть какая-то сила, и как бы говорят, что нужно делиться с другими тем, что у тебя есть. Меня антиквариат особо не интересует, но это не значит, что я его ненавижу, так

что я всегда иду, когда она меня просит.

— Хм. Ясно. Так вы с Асано-сан идёте... много... и прочее. — По какой-то причине её голос затихал.

— Не особо. Но видишь ли, она довольно долгое время пребывает в Киото. Она говорила, что живёт здесь одна с тех пор, как она ушла из старшей школы. Как-то раз я попросил её показать мне все буддистские храмы и святилища, пока мы ходили за антиквариатом. Например, я увидел храм Сэймэй и Тропу философа. Знаешь их?— Да. Я точно знаю эти названия. Мне такое не особо интересно.— Что? Не ты ведь говорила, что очень хорошо знаешь Киото?

Как она могла хорошо знать Киото, если ей даже не были интересны храмы и святилища?

— О, ну, эм, знаешь, бла-бла-бла, — сказала она, очевидно уклоняясь от вопроса. — А почему ты помнишь только такие вещи?.. Эм, то есть, вы с Асано-сан очень близки, да?

Этот разговор зазвучал знакомо. Она была крайне одержима Миико-сан. Между ничи что-то произошло? Я не мог себе представить, что могло произойти за одну ночь. Почему она так упорно пытается свести меня с Миико-сан? Я не видел в этом смысла.

— Как бы да, она очень интересный челвоек и всё такое, — сказал я. — Но мы не то чтобы «близки»; она как бы заботится обо мне. Например, иногда она одалживает мне «фиат 500». Ну знаешь, тот самый «фиат 500».

— Хм... ну, тогда вроде всё нормально.

Очевидно не заинтересованная в машинах (в конце конов, она ездит на «скутере»), она пропустила мои слова и начала болтать о чём-то, что я не понял:

— Интересно, не против ли она того, что ты вот так заходить в дом другой девушки.

— Что? Эм, ты что, говоришь мне, что я должен уйти?

— Нет, я не это имела ввиду! Точнее, ты ходишь с ней и прочее, да? Так что, думаю... Дуболом ты, Ик-кун! — завизжала она, ударив руками по столу. Её лицо зарделось. Я совершенно не понимал, почему она так заводилась из-за этого. Я мог лишь смутиться. Для меня всё это было до жути беспричинным, и было очевидно, что моё присутствие лишь злило её.

— Я не понимаю ничего, но мне жаль, — сказал я.

Она простионала.

— Ладно, позволь мне сказать это по-другому. Вы с Асано-сан за покупками и прочим, верно?

— Ну да. Но без чего-либо вытекающего.

— То есть ты бы и со мной пошёл за покупками и прочим?

Я не мог понять её логику, но вид её лица, который можно назвать «отражением последней отчаянной попытки», давил на меня так сильно, что я просто не мог вынести его.

— Да. Думаю, да. Нет причин отказываться.

— Правда? Точно? Ты не говоришь это только потому, что ситуация сейчас такая?

Всё её тело наклонилось вперёд, будто её жизнь зависела от ответа на этот вопрос. Она жевала губу. Для всего мира она была как дитя, готовое разреваться. Её эмоции видны так отчётливо, что никак не догадался бы, что она студентка университета, которой скоро исполнится девятнадцать.

— Ты точно заиклилась на этом. Ничего такого случаем не произошло?

— Ответь на вопрос!

— Точнее... наверно. Обещаю, если ты захочешь.

— Правда? Без дураков?

— Я не вру. Стандартное правило.

— Точно?

— Если захочешь что-то купить, то да.

— Это обещание! Если забудешь, то я разозлюсь!

— Хорошо.

Будучи потрясённым Микоко-тян, я позволил ей вытянуть из меня обещание. Но это не было чем-то ужасным, так что я пропустил это мимо ушей. Это, наконец-то, вроде бы успокоило её, и она залпом выпила чай в своём стакане.

— Она, вздохнула она. — Мне так жаль. Порой меня пробивает на эмоции, и я даже не знаю, что я несу.

— Порой? Ты только что сказала «порой»?

— Эм, ну, постоянно, — робко кивнула она.

Хм.

Шок от смерти Томо-тян. Было очевидно, что Микоко-тян не отошла от этого полностью, но она по крайней мере не была настолько подавленной, чтобы думать о том, чтобы последовать за ней и наложить на себя руки или ещё что сделать. Каким-то образом она держала себя в руках. Некоторые её слова не имели много смысла, но это было простительно. Похоже, пока что она в порядке. Скорее всего, она поправится к субботе.

— Ну, для меня на сегодня всё, — сказал я и начал вставать. — Боюсь, мне нужно идти.

— Что-что-что? Ты уже уходишь? Ой, извини, я тебе настроение испортила?

— Когда я вошёл, я сказал, что не задержусь здесь надолго. Так что давай как-нибудь встретимся.

— Ах, эм! — Она остановила меня. — Эм... эм, Ик-кун.

— Что?

— Эм... — Она слабо, хотя нет, сильно задумалась. — Как думаешь, что Томо-тян хотела сказать

в последний раз, когда она с тобой разговаривала?

Последний телефонный звонок.

Томо-тян пыталась сказать мне что-то.

— Вообще без понятия. В тот день я вообще впервые разговаривал с ней, так что откуда мне знать такое? Я даже не знаю, почему она разговаривала со мной. Но у тебя ведь есть предположения, Микоко-тян?

— Я... — Она опустила голову. — Я не знаю. Ни малейшей зацепки.

— ...

— Потому что Томо-тян никогда ни с кем не разговаривала.

Она никогда не говорила.

Она никому никогда не открывалась. Она оставалась в стороне.

— Наша дружба будто проходила через непробиваемое стекло. Она не рассказывала мне ничего личного, ничего о своих чувствах.

— ...

Тогда почему такой человек попытался поговорить со мной?

— Бессмыслица, — громко пробубнил я.

— Хм? Что?

— Сомневаюсь, что я получу от тебя ответ, пока ты в таком состоянии, так что я о многом просить не буду. Но Микоко-тян, ты ответишь на единственный вопрос ради меня?

— Чт... — Она смутилась. — Какой?

— Как думаешь, что значит «х больше у»?

Она ненадолго задумалась.

— Я не знаю, — ответила она.

Понятно. Видимо, всё.

Я кивнул и сказал:

— Ну, до встречи в университете. Извини, что потревожил тебя.

После я вышел из квартиры. Я вышел из здания и начал думать над тем, что делать дальше.

Хорикава Ойкэ.

До моей квартиры отсюда далеко, но даже так я мог бы дойти до туда пешком где-то за полчаса. Было бы пустой тратой денег садиться в автобус, так что я решил просто пойти.

Я вообще не думал о том, что величайшая частница человечества может ждать меня в моей комнате.

3

Недалеко от моей квартиры, на улице Сэнбон Дэмидзу, я встретил Миико-сан, вышедшую на прогулку и отстранённую от мира. Когда она заметила меня, она непривычно для себя ускорила темп и подошла ко мне, что поприветствовать:

— Здарова.

— Привет. Идёшь на работу?

— Нет. Сегодня я иду на гору Хиэй.

— А-а-а, с Судзунаси-сан?

Она кивнула. Судзунаси-сан, она же Судзунаси Нэон, была близкой подругой Миико-сан. Она подрабатывала в храме Энряку на горе Хиэй в префектуре Сига. Некоторые называли её «Жестокой Нэон». Другие — «Вырубающей Судзунаси». Она вроде как крутая женщина, склонная в случайные моменты времени психовать. Изредка я встречал её, а она всегда читала мне лекцию о чём-то. Будучи такой молодой, она почему-то очень любила читать нотации. Вряд ли это её единственный недостаток, но она мне нравилась примерно так же, как и Миико-сан.

— Похоже, ей нужен совет, так что я иду туда. Завтра вернусь, поэтому присмотри за всем здесь. Если кто-то придёт ко мне, то узнай имя пришедшего и скажи то, что считаешь нужным. Если кто на вид будет жутким, то не переживай из-за этого.

— Эм, конечно, никаких проблем.

— А ещё у тебя гостя.

— Гостя? Ко мне?

— ... Да, — кивнула она. — Когда я заметила её, она ломилась к тебе. В ней было некоторое изящество. Точнее, она была дохрена изящной. Не знаю, кто это, но она вроде как женщина. Она вроде без какой-либо определённой цели пришла, так что я не стала её трогать.

Женщина? Какая женщина могла бы прийти ко мне в гости? Начнём с того, что друзей у меня было немного, поэтому сузить круг было бы несложно. Но учитывая, что происходило в последнее время...

— Она была примерно такого роста? Если да, то это была детектив.

— Нет. Это был не детектив. Детективы так не выглядят, — уверенно заявила она. — Кстати, я встречала того детектива, о котором ты говоришь. Я не забываю впечатления, которые на меня производят люди. Ах, да, ещё около квартиры была припаркована машина, которая вроде как принадлежит ей. Наверно, это тебе на что-нибудь укажет. Ну, до скорого. — Она пошла к парковке. На спине дзинбэя, который она сегодня носила, было написано слово «Покой». Да, сегодня она была в хорошем настроении, возможно потому, что она собиралась встретиться с Судзунаси-сан.

Но чего от неё хотела Судзунаси-сан? Она была из тех, кто редко зовёт к себе, так что я не мог перестать думать об этом. И какой «совет» был нужен ей? Может, ей и нравилось совать свой нос в чужие проблемы, но она становилась полностью пассивной, когда речь заходила об её проблемах.

— Что-то здесь нечисто.

Но более важной проблемой для меня сейчас была такой: что это за «гость», ждущий меня в моей квартире? Если это была не Сасаки-сан, то кто?

Всегдабыли лишь Муими-тян да Микоко-тян, но вряд ли кто-то из них мог прийти. А Кунагиса всегда сидела дома, так что она тоже вряд ли пришла.

Я повернул в сторону Накадатиури.

— Ах...

Всезапно всё стало ясно. На обочине дороги, будто говоря, что она превыше всех правил дорожного движения, была припаркована впечатляющая ярко-красная «кобра». Полностью выделяющаяся на фоне Киото, она была монструозным, невероятным представителем автомобилей.

— Боже мой... я не хочу идти домой.

Я всерьёз задумался о том, чтобы побежать к Кунагисе, но, судя по личному опыту, я мог представить жестокую судьбу, которая ждала бы меня, если бы когда-либо раскрылось, что я сбежал. Сдавшись, я пошёл обратно к квартире, таща свои ноги.

Я воднялся по лестнице и направился к своей комнате. Факт того, что моя запертая дверь больше не была запертой, меня не удивил. Эта женщина могла имитировать голоса, вскрывать замки и читать мысли: наисложнейшее задание для неё было таким же простым, как дыхание. Я открыл дверь и увидел частницу, которую украшал костюм цвета бордо, такой же тёмный, как и кровь. Она сидела на подоконнике, скрестив ноги, словно её присутствие было самым естественным явлением в мире.

Бескомпромиссно.

Отстранённо.

— Привет, Айкава-сан.

— Разве я не говорила тебе не называть меня по фамилии?

— Привет, Дзюн.

Она одарила меня слегка циничным взглядом.

Айкава Дзюн.

Величайшая частница человечества. Я встретил её месяц назад из-за великого фиаско, произошедшего на том острове. Она ушла в тот день, бросив напоследок крутую фразу: «Если нашу судьбы связаны, то мы ещё встретимся,» — только чтобы объявиться в моём университете на следующий день и потусить. Такой вот странной она была. К тому же следующую неделю она провела, заставляя меня выполнять её указания. Она даже времени на сон не давала до тех

пор, пока ей наконец-то не пришлось уехать из Киото по работе. Судя по опыту, я мог сказать, что она была той женщиной, с которой мне не особо хотелось связываться. Возможно, она была самым раздражающим человеком из всех, кого я вообще встречал.

Смотря на неё со всей возможной объективностью, она была невероятно безбашенной и в то же время настолько привлекательной, что ей было тяжело возразить. Экцентричных манер у неё было много. И она была совершенно не приступной.

Она посмотрела на меня, желая узнать выражение моего лица.

— Ты нисколько не удивился, увидев меня.

— Эм, нет, я удивлён. Так ты снова в Киото?

— Да, ну, знаешь, долг зовёт. Можем поговорить об этом позже... А-а-а, я поняла. Ты увидел яркую машину снаружи и всё понял?

— Нет. Мне соседка рассказала.

— Ох, а я перестраховалась, чтобы меня не заметили. Это меня так... — На миг выражение лица Айкавы-сан стало острым, как нож, а затем снова сменилось сардонической ухмылкой. — Ну да ладно.

Я снял обувь, вошёл в комнату и пошёл прямо к раковине. Я налил стакан воды и подал его её.

— Наслаждайся, — сказал я.

— Большое спасибо, — ответила она по-испански, выпила где-то половину и поставила стакан на подоконник.

Чёрт, она вела себя так, будто в этом не было ничего необычного. Мне хотелось хотя бы раз увидеть, как Айкава-сан чему-то удивится.

— Так что происходит? Почему ты вернулась в Киото?

— Я сказала, что расскажу тебе потом. Важнее другое: возволь мне извиниться за то, что я с тобой не связывалась. Но ничего себе, у тебя тут так хорошо. Обстановка идеальная.

— Где именно ты это видишь?

— Я не это имею в виду. Ну же, ты ведь знаешь, о чём я, не так ли? Ну ладно. А чем ты вообще занимался в последнее время?

— Да ничем. Я всего лишь обычный студент в университете. Я не веду образ жизни якудза, как ты.

— Просто обычный студент, говоришь? — сказала она, засмеявшись.

— А что смешного?

— Ничего. Кроме того факта, что обычным ты называешь человека, который начинает всё вынюхивать, когда кого-то из его однокурсников убили, и дружит с серийными убийцами.

— ...

— О-о-о, а вот и удивлённое лицо. Ты меня развеселил.

Она спрыгнула с подоконника и села на татами, скрестив ноги. Я не был уверен в том, что ей пришлось сделать это потому, что она носила довольно короткую юбку, но мне в любом случае хотелось бы, чтобы она этого не делала.

— Откуда ты знаешь об этом?

— А откуда, по-твоему, я знаю? — Неистово восторженная, она широко улыбнулась. Но я не понимал, что скрывалось за этим неистовым восторгом. Я тратил немислимое количество энергии, просто стоя здесь и разговаривая с ней. Помимо этого, она первоклассно читала мысли, из-за чего мои эмоции текли по трубам к ней. Мы словно играли в покер, но моя рука всегда была раскрыта. Она точно ничего не упрощала. Она была как кусочек еды, который ты не можешь съесть, сколько бы ты не варил и не жарил его.

Но она была доброй, покуда ей не захочется получить от тебя что-то, наверно. Она была мне по вкусу и всё тут.

— Без понятия, — сказал я. — Даже предположений нет. Я вряд ли смогу сказать, о чём ты думаешь.

— Подумай. А затем пойми, парень. Я волк-одиночка, но у меня есть друзья в Киото и за его пределами.

— Ну, это хоть что-то. Приятно иметь много друзей. Даже я признаю это. И признаю это сейчас. На каких друзей ты будешь ссылаться в данном случае?

— Например, на Сасу Сасаки.

— ...

— На Икаругу Кадзухито.

— ...

— На Кунагису Томо.

Она вытащила из своей чёрной сумки конверт.

— Держи. Это от твоей нежной, нежной Кунагисы.

— Мне?

— Да. Она сказала, что это «штучка», которую она обещала.

Я взял конверт. Ничего себе. Она наверняка пришла к Сирасаки, прежде чем идти ко мне. Пока я был самым обычным, до ужаса среднестатистическим студентом университета, Кунагиса Томо со всеми своими причудами была экспертом в области компьютерных технологий. Они с Айкавой-сан очень хорошо знали друг друга.

Как и сказала Айкава-сан, я задумался. Похоже, она вернулась в Киото по работе. Затем она пошла к Кунагисе за помощью с этой работой, как и я ходил к ней за помощью в расследовании обстоятельств смерти Томоэ. После, когда Айкава-сан пошла к Кунагисе, Кунагиса решила передать через неё сообщение. Именно это и произошло? Но... чего-то не хватало. Не было ни

единой причины, по которой Кунагиса попросила бы Айкаву-сан сделать это, а Айкаве-сан незачем было соглашаться делать это.

В сознании возник куда более отвратительный сценарий, и он не был чисто гипотетическим. Точнее, Айкава-сан была...

— А теперь к взимания платы с тебя. Расскажи мне всё, что ты знаешь о своём приятеле. О киотском бродяге.

Айкава не была посланником. Она была инкассатором.

— Дзюн-сан, ты хочешь сказать, что ты пришла в Киото...

— Ага. Чтобы поболтать о морали с тем психопатичным чудиком.

Айкава-сан зарабатывала на жизнь, работая «чатницей». К этому относилось всё. Говоря проще, она была мастером на все руки, фрилансером с множеством талантов, не ограничивавшей себя ничем. Выгул собак, расследование идеальных убийств, ловля серийных убийц, уже убивших десять человек, — она возьмётся за всё, если ей заплатят. Само собой, вряд ли было много дураков, готовых предложить кучу денег за просто так или за выгул собаки. В любом случае, каждый день она «выполняла невозможное», никогда не отделяя легальное от нелегального.

Пусть так и будет.

— Киотский потрошитель вчера убил двенадцатую жертву. Учитывая, что ты очень долго жил в другой стране, я не думаю, что ты поймёшь, но такое число убитых в Японии немыслимо. Такие происшествия просто не происходят в Японии, не говоря уже о провинциальных городах. Вдобавок к этому личность убийцы остаётся загадкой. На данном этапе придётся запросить вмешательство со стороны правительства.

— И потому тебя вызвали?

Она кивнула:

— Похоже, над этим делом работают и другие люди: Общественное благо, Уокер, Техасский рейнджер. Но я не знаю, кто именно. К сожалению, горизонтальных связей у меня немного. Тем не менее, прямо сейчас я должна остановить этого маньяка, пока он не убил ещё больше человек.

— Тебя наняла Сасаки-сан?

— Не скажу. Как там оно называлось? Соглашение о неразглашении? Деловая этика? Коммерческая тайна? — Она комично пожала плечами и засмеялась. — Но это дело заслуживает моего времени гораздо больше, чем вся ситуация на острове Пера промокшей вороны. Определённо.

Заслуживает её времени. Это всё, что она сказала об ужасном убийце, уже зарезавшем уже двенадцать человек. Сама идея поимки этого анонимного чудовища вообще её не напрягала. С другой стороны, она относилась к этому делу так спокойно, что можно было подумать, что она шла на пикник.

Внезапно я снова осознал, насколько опасна эта алая женщина.

Также я осознал, что сейчас я сижу прямо перед ней.

— Так. Я услышала от Кунагисы-тян, что ты кое-что знаешь обо всём этом. Не думаю, что ты сейчас расскажешь всё своей любимой старшей сестре — я тебе как сестра, не так ли? — согласен? — сказала она спокойным, задабривающим голосом, которым можно было обращаться к своей кошке, пока её пальцы ползли по моему лицу. Я не был особо против этого голоса, но его носительница была либо тигрицей, либо пантерой, а я был кем-то большим, чем полосатая кошка, чтобы сопротивляться ей.

Чтоб чёрт побрал эту Кунагису. А что стало с уговором о помощи друг другу? Она сдала меня без каких-либо сомнений.

— В чём дело? Чего молчишь и отворачиваешься? Ты жуть как не хочешь сотрудничать. Не говори, что ты не расскажешь мне. Тырываешь контракт? Ты ведь обещал это взамен на содержимое конверта.

— Так-то да, но я сказал, что я скажу это Кунагисе, а не кому-либо вообще. Если бы я сказал всё тебе, то это было бы... какое же там слово? Предательством? Неправильно? Спорно? Непослушно? Неважно. Ощущается это как вонзание ножа в спину, и мне это не по душе.

— Что, прости?! — Её голос резко стал гораздо суровее. Если бы взгляды могли убивать, то я уже был бы трупом. И это звучало куда заманчивее, чем то, что мне было уготовано. — То есть ты можешь сказать об этом Кунагисе, но не мне? Ладно, чёрт возьми. Я не думала, что ты такой равнодушный сукин сын. Ясно, понятно. Боже, ты меня печалишь. Так ты слушаешь Кунагису, но не меня? Кто бы мог подумать, что ты настолько суров?

— Всё не совсем так. Дело в том, что Кунагиса безобидна, что ей не скажешь. Но ты ведь собираешься что-то предпринять, да? А вовлечешься прямо в нечто подобное, ну... это не по мне.

— Прошу прощения, но ты только назвал меня опасной?

— А... разве не так?

Будто зная об этом, она воздержалась от ответа на мой комментарий. Вместо этого она стала говорить себе что-то под нос. В какой-то степени она может прислушаться к голосу разума. Но если перегнуть палку, то, ну, можно спокойно сказать, что будет: это обернётся боком.

— Наверно, Кунагиса всё равно просто расскажет мне. Рот у неё не на замке. Я поняла, что я также могу просто убрать посредника и сразу пойти к источнику.

— Эм, да, я знаю, но... У меня на то свои причины или, эм...

— Что? А-а-а, аха, до меня дошло! Так почему ты сразу не сказал?! — сказала она, широко и жутко ухмыльнувшись. Она манила меня. Каждое движение её руки таким красивым, таким изящным, что они завораживали.

— Эм, ты что именно поняла?

— Просто подойди ко мне. Я буду дразнить тебя столько, сколько ты захочешь.

Увидев, что я не сдвинулся с места, Айкава-сан подползла ко мне на четвереньках. Она смотрела на меня испытывающим, провоцирующим взглядом. Она прижалась своим телом к

моему и обернула мою спину своими руками, давя на меня всем своим весом. Она впиалась ногтями мне в спину.

— А теперь к делу. Что ты там говорил?

— Эм, ты меня пугаешь.

— А ты в курсе, что мой указательный палец может в любой момент пройти в твою печень сквозь твои рёбра?

— ...

— Не напрягайся так сильно. Тебе же хуже будет. Вся твоя плоть станет жёсткой. Спрашиваю у тебя из любопытства: как думаешь, кто страшнее — я или серийный убийца? — Говоря это, она провела языком по сонной артерии на правой стороне моей шеи. Удовольствие, испытанное мной от этого ощущения, вместе с более давящим чувством страха того, что она может откусить большой кусок моей шеи, проникли в мой мозг.

Чёрт.

И правда, в компании серийного убийцы будет поприятнее, чем с ней.

— Дзюн-сан... Простите меня, но я вынужден сказать «нет».

— Ох, вперёд, смелей. Но если ты это сделаешь, то я больше не буду тебя так дразнить.

— ...

— Меня устроит любой вариант. Это всё равно не отменяет того факта, что ты скажешь. Я уже решила, что я заставлю тебя рассказать мне о том убийце. Несомненно. Но ты мой друг, поэтому я решила сперва попросить тебя. Теперь ты хочешь, чтобы я вела себя хорошо? Или ты хочешь, чтобы тебе стало больно?

— Эм... а в чём разница?

Моей единственной отдушиной было то, что мы сейчас в такой приятной позе: мне не нужно было смотреть ей в лицо, как и ей на моё. Но даже так мой холодный пот наверняка выдавал мой страх вместе со стучащим сердцем.

— А как сам думаешь, в чём тут разница?

Она прикусила мою шею. Моя жизнь была буквально в её руках. Мягко, в дразнящей манере она впиалась клыками в мою кожу, но в то же время она облила свой язык большим количеством слюны и стала вылизывать мою плоть между её губами, тереться своим телом о моё и водить своими пальцами по моей спине.

— Хорошо! — сказал я, используя все свои силы, чтобы вырваться из её хватки. — Я больше не буду не подчиняться тебе! Прошу, прости меня!

Сидя немного поодаль от меня, Айкава-сан ответила мне лукавой и в то же время невинной улыбкой.

— Не заводись ты так. Это всего лишь шутка, — ответила она.

— Ага, плохая шутка. По крайней мере, для сердца...

— Ха-ха-ха. Мне так-то полегчало. В конце концов, ты здоровый молодой человек.

— Ну же, дайте мне перерыв.

Мне нужно было успокоиться. Поэтому я выпил стакан воды. Долго ждать не пришлось, пока моё сердце не перестанет быстро стучать, но холодный пот я контролировать не мог.

И всё же я ужасен в общении с этой женщиной. Мне явно стоило просто побежать прямо к Кунагисе, не переживая о том, что произойдёт потом.

— Какая же это бессмыслица.

После этого Айкава-сан смогла выудить из меня вообще всё о Дзэродзаки Хитосики. Я как мог старался не разболтать самое главное, но её способность читать мои мысли помешала мне сделать это. Каждый раз, когда я пытаюсь что-то сокрыть, она видела мои намерения и угрожала мне, а потом выбила из меня ответ либо принуждением, либо обманом. Это должно было напомнить мне, что я был её заложником.

Человек, известный как Дзэродзаки. Его внешность, телосложение, одежда, которую он носил, когда мы встретились. Его манера речи. Обстоятельства нашей первой встречи. О чём мы разговаривали. Даже детали нашего тайного проникновения в квартиру Томо-тян. Айкава-сан вытащила из меня всё. По крайней мере, всё, что я смог вспомнить.

Не то чтобы мы с Дзэродзаки были друзьями. Мы просто были похожи, словно отражения друг друга в зеркале. Мы ничего друг другу не обещали, и он не требовал от меня ничего не рассказывать.

Тем не менее, мне было так паршиво, что было чудом то, что я не упал в обморок.

— Хм... — Выслушав всё, Айкава перестала улыбаться, а выражение её лица сменилось на серьёзное. Она несколько минут молча думала. — Так этот парень... Дзэродзаки, да? Типа вместе поставили «дзэро» и «дзаки»?

— Да. Так он себя называет.

— Дзэродзаки Хитоси... а-а-а, какое поганое имя.

С виду Айкава-сан явно разозлилась, будто вся эта история была лишь большой помехой. Я впервые увидел её в таком состоянии. Это почти что освежало.

— А что с ним не так?

— Нет, нет-нет-нет... Хотя нет, вряд ли «поганое имя» подходит здесь. Но «Дзэродзаки»? Это точно необычное имя.

— Вот как, но это имя может оказаться и ненастоящим. Он точно не дурак. Не думаю, что он при первой встрече назовёт своё настоящее имя.

— Это не имеет значения. Даже если это его прозвище, сам факт того, что он выбрал прозвище вроде «Дзэродзаки», доказывает, что он больной. Но если это его настоящее имя, то...

Она снова замолчала и стала думать. Стоило этой даме начать думать о чём-то, как она

утопала в своём мире. И если находиться в это время рядом с ней, то может показаться, что ты стал невидимым. Но повторяю: даже человек-невидимка продолжает существовать. В этом случае ты скорее становился пустым местом.

— На планете не найдётся ни единый идиот, который даже в шутку назвал бы себя таким «именем убийцы». «Дзэродзаки»? Чёрт, оно ведь стоит рангом повыше, чем «Сусукино»? Наверно, оно всё ещё лучше, чем «Ниономия» и «Ямигути»? но я и вправду надеюсь, что это всего лишь прозвище. Или, что будет лучше, просто случай совпадения фамилий у двух человек. Но это никак не могло произойти. Нечто настолько удобное ни за что не произошло бы со мной. Ух... получается, даже от Кунагисы, даже от бывшего члена «команды» не было никакой пользы.

— Эм... а с именем «Дзэродзаки» что-то не так?

— Да, ещё как. Это так же ужасно, как и сами имена. Настолько всё плохо, что сильнее всего человека можно было бы оскорбить, назвав его «Дзэродзаки». Вот настолько дела плохи. И я не хочу напрягать себя более глубоким объяснением. Буду с тобой откровенна, я не хочу связываться с «Дзэродзаки Итидзоку», в том числе объяснять что-либо. Но лично мне само имя не нравится. В таком случае сам человек не важен. Наверняка он всего лишь ненормальность... возможно. Но действительно ли он киотский бродяга?

— Да, именно это он и сказал.

— Так ты не застал его за делом? Ты просто веришь ему на слово?

— Ну, как-то так, — сказал я, кивая.

— Хм. Значит, вполне возможно, что он может быть каким-нибудь помешанным, лгущим ублюдком, который просто втирает это.

— Ага, это вполне возможно. Но лично на меня он такое впечатление не произвёл.

— Правда? Да ну, у него ведь большая татуировка на лице? И она покрывает всю правую сторону его лица. Даже в Чикаго его посчитали бы фриком. Он вот так выделяется из толпы и до сих спокойно уходит от полиии, не оставляя после себя ни единой улики?

— Ну, да...

Само собой, я и сам учитывал это. Но услышав, что он хотел сказать, я не имел ни единого основания называть его лжецом или подделкой, и вообще мне было как-то побоку.

Он убивал или нет, разницы для меня особо не было. Возможно, он не был тем бродягой.

— Этот парень несомненно убийца, — сказал я Айкаве-сан. — Айкава-сан, вы должны знать, что моя жизнь никогда не была обычной. В Кобэ, Хьюстоне, даже здесь. Чёрт, даже на том острове меня чуть не убили. Не могу держать свечку за вас, но я в своё время увидел ад. — А рай всё ещё был где-то вдалеке отсюда. — Я никогда не видел, как он кого-то убивает, но он почти убил меня. Он использовал лишь блеклый старый короткий нож, и всё равно ужас, который я ощутил, был таким, будто я встретил врага с нагинатой... нет, с пулемётом.

— Хм... — С виду убеждённая, она несколько раз кивнула. — В любом случае, важнее всего то, что этот эксперт в потрошении, называющий себя «бродягой», где-то в Киото. Да. Покуда я держу это в уме, всё будет нормально. Этого будет достаточно.

— Правда?

— Конечно, да. Если совместить это с информацией, которую я получила, то мне будет с чего начать. Пока что. Думаю, сейчас будет быстрее идти на своих двоих, если ты понимаешь, о чём я. Если мне не подкидывать трудностей, мне станет скучно, и я перестану действовать. Понимаешь, о чём я? Ладно, есть вещи и поважнее. — Она снова сменила тему разговора. — Пока что пусть это будет в стороне. А что происходит с тобой? Я услышала от Кунагисы и Сасаки, что ты совал свой нос в какие-то скучные, повседневные дела.

— Я увлёкся.

— Ты увлёкся, а потом продолжил совать нос, не так ли? Точнее, проник в квартиру жертвы? Прекращай притворяться пассивным наблюдателем.

Туше.

— И что теперь? — задумалась она, с трепетом смотря на меня. — Ты в курсе, что тебя непросто понять? У тебя будто нет то ли взглядов, то ли стиля. Твои слова полностью расходятся с твоими поступками.

— Это противоречие и даёт мне собственный вкус.

— Какой вкус? Ты не можешь на себя объективно посмотреть?

— Конечно, могу...

— Ты скорее тянешь на шута, нежели на пассивного наблюдателя. Но кому какое дело? Делай что хочешь. Жизнь ведь твоя. Не мне в неё вмешиваться. И это не моя забота.

— Вы холодная женщина.

— Не особо. Учись, юнец. Сам делай всю свою грязную работу. И если ты собрался что-то сделать, то сделай всё полностью. Я уже говорили это тебе? Уйти с дела на полпути — худшее, что человек может сделать. Ах, да, — сказала она, будто только что вспомнила, хотя это явно было ни причём, — письмо от Кунагисы. — Она указала на конверт у меня в руке.

— А что в нём?

— Не пытайся закрутить роман, Ии-тян. Я прощу поцелуй в щёчку, но не более. «Люблю тебя-я-я, чмоки-чмоки,» — сказала Айкава-сан, подражая голосу, интонациям и мимике Кунагисы. — Вот что она сказала.

— Вас понял. — Я вытянул руки вверх.

4

Пока мы разговаривали, наступило время, когда технически можно пообедать, поэтому я пригласил Айкаву-сан к столу. Но она отказалась и вскоре ушла, поскольку она рвалась начать погоню за Дзэродзаки как можно скорее.

Перед тем как она ушла, я задал ей последний вопрос:

— Как думаете, что значит «х больше у»?

— Не обращай к другим, чтобы подтвердить то, что ты уже знаешь, — решительно ответила она. Туше, подумал я.

Я вздохнул, смотря, как она уходит.

Дзэродзаки Хитосики.

Айкава Дзюн.

Она наверняка найдёт его за два дня. Я не выдал ей тонну информации, но её было более чем достаточно, чтобы она послужила Айкаве-сан. Я не мог представить, в каком состоянии ума она была, и даже от него она могла бы отказаться в любой момент. Превосходство когнитивных способностей Айкавы Дзюн пренебрегали воображением.

И эти двое наверняка столкнутся друг с другом. Величайшая от человечества и Ошибка природы встретятся лицом к лицу. И если это случится, то исход будет ожидаемым. Если Дзэродзаки Хитосики был чудовищем с маниакальными наклонностями, то Айкава Дзюн была абсолютной охотницей на чудовищ. Склонность к лишению жизни отлично помогала привлекать внимание, но её не хватит, чтобы заставить её перестать выманывать его. Природа этой алой женщины была настолько трансцендентной, настолько возвышенной, что тебе явно не захочется превратить её в своего врага. И подружиться с ней тоже не было вариантом. Если что и спасало, так это её чувство прихоти. Но это вряд ли можно будет обернуть в свою пользу.

— Интересно, сможет ли он улизнуть...

Я был лишь слегка взволнован. Не говоря уже о сильной симпатии.

Но я не стал много думать об этом.

Меня мало интересовало то, что происходило или произойдёт в другом мире. Даже если это происходило с моим отражением в зеркале.

А теперь настало время подумать о собственном мире.

Я взял конверт от Кунагисы в руки.

<http://tl.rulate.ru/book/4792/3994999>